

мас. 27002 2

Тонущая литература.

„Случай из практики“, рассказ Авт. Чехова. (Р. М. № 12); „Чудачка“, повесть. Кк. Ляликовой. (Р. М. № 11—12).

I.

Смотря на то, что совершается в нашей современной жизни, равно как и на отражении всего этого в современной безразличности, повелевал приходило часто в голову, что в нашем интеллигентном обществе происходит нечто в родъ столпотворения вавилонского. Согласитесь, что для столпотворения вавилонского вовсе нет надобности, чтобы люди непременно строили башню до небес и в друг друга перестали бы понимать друг друга, начиная говорить на различных наречиях; достаточно для этого, чтобы все выработанные людьми отношения их перепутались, люди утратили бы, вследствие этого, всякий смысл жизни, начали творить нечто несообразное, ненужное, — и тогда они неизбежно должны придти к тому, что перестанут понимать друг друга, хотя бы говорили и на одном языке. Вот в этом смысле и можно сказать, что мы перепутали своего рода вавилонское столпотворение.

По всей вероятности, причина этого вавилонского столпотворения, как и во всех явлениях жизни, — не одна, а несколько, но мы не знаем их времени, ни места ходить в их разскании. Ограничимся лишь указанием на несколько несомненных его симптомов. В самом деле, обратите только внимание вокруг себя, — сколько вы увидите распающихся семей, разрывающихся связей, сколько людей, вчера еще бывших друзьями, сегодня преисполненных непримиримой ненависти друг к другу, сколько загубленных существований, сколько никому ненужных жертв, — все это единственно потому, что мы утратили всякий смысл жизни и перестали понимать друг друга.

Чтобы не ходить далеко за примерами, обратим внимание хотя бы на два вышеозначенные разсказа, напечатанные в „Русской Мысли“.

II.

Весьма много из наших современных мыслителей, изучая свои мысли различными политико-экономическими доктринами, изу-

чая при этом фабричное производство теоретически, в тени кабинетов, и имея в то же время смутное понятие о том, что представляет собою фабрика в действительности, в самой жизни, воображают, что капиталистический строй Западной Европы представляет собой последний и неизбежный путь к спасению человечества и к будущему насаждению вениго рая. Но каким бы им представлялся этот самый капиталистический строй на Западе, у нас мы видим нечто совсем иное, крайне жалкое и подчас совершенно бессмысленное и несообразное.

Вот г. Чехов и представляет нам в своем маленьком рассказе образчик поразительной неглупости капиталистического фрута, возмущающего на русской почве.

Профессор получил телеграмму, приглашавшую его на фабрику Ляликовой, по случаю болезни дочери и владельца фабрики. Профессор сам не поехал, а послал своего ординатора Королева.

Королев родился и вырос в Москве, деревни не знал и фабриками никогда не интересовался и не бывал на них. Но ему случалось читать про фабрики и бывать в гостях у фабрикантов и разговаривать с ними, и когда он видел какую-нибудь фабрику издали или вблизи, то всякий раз думал о том, что вот снаружи все тихо и мирно, а внутри должно быть непроходимое невежество и тупой автоматизм хозяев, скучный, невдуманный труд рабочих, драги, вода, насилье...

И теперь, когда Королевъ въѣхал на присланной за ним тройке в рабоче почтительно пугливо сторонились коньски, онъ въ ихъ лицахъ, картусахъ, походкахъ, угадывалъ физическую нечистоту, пьянство, неряшливость, растерянность.

Владимира фабрики, г-жа Ляликова, оказалась поном, поклоном дамов въ черномъ шелковомъ платкѣ съ модными рукавами, по, судя по лицу, простая, малограмотная; она смотрѣла на доктора съ тревогой и не рѣшалась подать ему руку, не смѣла. Рядомъ съ ней стояла гувернантка, Христина Дмитриевна, съ короткими волосами, въ пенсѣ, въ пестрой цвѣтной кофточкѣ, толстая, уже немолодая. Вероятно, ей, как самой образованной въ домѣ, было поручено встрѣтить и принять доктора, потому что она тотчасъ же, торопясь, стала излагать причины болезни, съ мелкими подробностями,

но не говоря, кто боленъ и въ чемъ дѣло. Докторъ и гувернантка сидѣли и говорили, а хозяйка стояла неподвижно у двери, ожидала. Изъ разговора Королевъ понялъ, что больна Лиза, дѣвушка двадцати лѣтъ, единственная дочь г-жи Ляликовой, наследница. Она давно уже болѣла и лечилась у разныхъ докторовъ, а послѣднюю ночь у нея было такое сердцебиѣние, что всѣ въ домѣ не спали, — болѣла, какъ бы не умерла.

III.

Пошли къ больной. Она въ первую минуту проявила на Королева впечатлительное существа нестерпимаго, убогаго, которое не жалости дѣлѣ укрыва и притѣлѣ, и не вѣрлосѣ, что это была наследница пяти промышленныхъ корпораций. Но, когда послѣ осмотра больной, принесли въ спальню лампу, „большая, читающѣмъ, прищуривалась на свѣтъ и вѣдуть охватывала голову руками и вѣдывала. И впечатлительное существа убогаго и нестерпимаго вдругъ почало, и Королевъ уже не замѣчалъ ни маленькихъ глазъ, ни грубо развитой нижней части лица, — онъ видѣлъ только страдальческое выраженіе, которое было такъ разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотѣлось уже успокоить ее не лекарствами, не советами, а простыми, ласковыми словами. Мать обняла ее голову и прижала къ себѣ. Сколько отчаянія, сколько скорби на лицѣ у старухи! Она, мать, восторжнла, выросла дочь, не жалѣла ничего, всю жизнь отдавала на то, чтобы обучить ее французскому языку, танцамъ, музыкѣ, приглашала для нея десятковъ учителей, сама лучшихъ докторовъ, держала гувернантку, и теперь не понимала, откуда эти слезы, зачѣмъ столько мукъ, не понимала и терлась, и у нея было виноватое, тревожное, отчаянное выраженіе, точно она упустила что-то еще очень важное, чего-то еще не сдѣлала, кого-то еще не пригласила, а кого? — неизвестно.

Участье, которое принялъ докторъ въ больной, вызвало дѣвушку на откровенность, и когда онъ остался съ ней наединѣ, она призналась ему, что у нея не болѣзнь, а ей страшно, потому что даже самый здоровый человѣкъ не можетъ не безсонничать, если у него подѣ окномъ ходитъ, напримеръ, рабочий, что ее часто лочать, и, конечно, она благодарна, не отрицать пользы леченія, но ей хотѣлось бы поговорить не съ докторомъ, а съ близ-

кимъ человекомъ, съ другомъ, который бы покаялъ ее, убѣдилъ бы, что она права или не права.

— Развѣ у васъ нѣтъ друзей? — спросилъ Королевъ.

— Я одна. У меня есть мать, я люблю ее, но все же одинока. Такъ жизнь сложилась... Одинокое нѣмѣе читаетъ, но мало говоритъ и мало слышитъ, живѣе для нихъ таинственна; они — истинны и часто видѣть дѣлаюта тамъ, гдѣ его нѣтъ. Тамара у Дериюкова была одинока и видѣла дѣлаюта.

— А вы много читаете?

— Много. Видѣ у меня все время свободна, отъ утра я до вечера. Днемъ я читаю, а по ночамъ — пустая голова, вѣдѣе нѣмѣе закли- то тѣла.

— Вы что-нибудь видите по ночамъ? — спросилъ Королевъ.

— Нѣтъ, но я чувствую.

Она улыбулась и поджала глаза на доктора и смотрѣла такъ грустно, такъ умно, и ему казалось, что она вѣрѣтъ ему, хочетъ съ нимъ искренно говорить, и что она думаетъ такъ же, какъ онъ. Но она молчала и, быть можетъ, ждала, не заговоритъ-ли онъ.

И онъ зналъ, что сказать ей; для него было ясно, что ей нужно поскорѣе оставить эти пять корпораций и идѣлѣтъ, если онъ у нея есть, оставить этого дѣлаюта, который по ночамъ смотритъ; для него было ясно также, что такъ думала и она сама, и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она вѣрѣтъ, подтвердитъ это.

IV.

Его попросили остаться ночевать въ ожиданіи новаго припада ночью. Въ залѣ и гостиной для него зажгли свѣ лампы и свѣча. Приглашали къ ужину; столъ былъ большой, со множествомъ закусокъ и винъ; но ужинали только двое: онъ да Христина Дмитриевна. Она пила мадеру, быстро купала и говорила, поглядывая на него черезъ пенсѣ.

— Рабочіе наши очень довольны. На фабрикѣ у насъ каждую яму спектакли. Сами рабочіе играютъ. Ну, чтѣмъ съ волшебными фонаремъ; великолѣпная чайная, и, кажется, чего ужъ, они намъ очень привержены, и когда узнали, что Лизанькѣ худо стало, выказали по добротѣ. Необразованные, а вѣдѣе то же чувствуютъ.

Къ ужину подавали стерлядь, куршныя котлеты и помѣты; были омы дѣрѣтѣ, французскія. Послѣ ужина

на доктора отвели в комнату, где для него была приготовлена постель; но ему не хотелось спать; было душно, и в койках пахло краской. Он надёнул пальто и вышел.

Глядя на корнуса в бараки,— читаешь им даёшь, где спали рабочие, он опять думал о том, о чём думал всегда, когда видел фабрики. Пусть спектакли для рабочих, волшебные фонари, фабричные доктора, разные улучшения, но все же рабочие, которых он встретил сегодня по дороге со станции, ничем не отличаются по виду от тех рабочих, которых он видел давно, в детстве, когда еще не было фабричных спектаклей и улучшений. Он, как медяк, правдиво судивший о хронических страданиях, коренная причина которых была непонятна и неизлечима, и на фабрике смотрел, как на недоразумение, причина которого была тоже неясна и неустранима,— и всё улучшения в жизни фабричных он не считал лишними, но приравнивал их к лечению неизлечимых болезней.

Тут недоразумение, конечно...— думал он, глядя на бровные окна.— Тысячи сотворы—два фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, дыша плохой ситцею, живут впроголодь и только нарядка в кабаки отвлекают от этого кошмара: сотни людей падают за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое—трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец. Но какие выгоды, как пользуются ими? Дьякова и ее дочь несчастны, на них жалко смотреть; живут в свое удовольствие только одна Христина Дмитриевна, пожилая, глуховатая дивна в ризе-нез. И выходить так, значить, что работают все эти наты корнуса, и на восточных рынках продаются плохой ситец для того только, чтобы Христина Дмитриевна могла кушать стерлядь и пить мадеру.

Вот и подумайте, ну, чьим же во вавилонское столпотворение этот ряд вопиющих несообразностей, этот жалкий хаос, в котором никто ничего не понимает, не может разобраться, каждый томится и у каждого является одно непреодолимое желание убить свою голову от этих мрачных каменных корнусов, от этих миллионных, мильонных для чего накопленных и про-

должающих возрастать,—и в конце концов, смирившись, на каком-нибудь неизвестном языке говорить людям, с растерянными мыслями в голове, которые стараются убедить нас, что в этом негнимо сумбура лежит спасение человечества и таятся зародыши новой жизни!

У.

Такой же сумбура извещения не понимая друг друга людей, называющих говорить на разных языках, видящих им и в новостях г-жи Лавровой „Чудачка“.

Здесь переход нами развешивается одна из тех семейных драм, как и встречаются на каждом шагу в семействах привилегированных сословий, хотя нужно заметить, что подобная драма представляет собою явление не одного только последнего времени,—оно повторяется, по крайней мере, в продолжение тридцати лет, с тех пор, как возникла прославленная борьба отцов и детей. По правде сказать, мы живем здесь дню во все не с гологоловой борьбою всех отцов со всеми детьми, а только некоторых отцов с некоторыми детьми. Подобная борьба возникает лишь в таких случаях, когда семья захватывается вавилонским ситцевым языком, и как родители, так и дети перестают понимать друг друга, делаются совершенно чужими, и является неудержимое стремление разойтись в разные стороны.

Так произошло и в семействе Сноповых, состоявшем из матери Марьи Андреевны и дочери Маруси. Семейство это было зажиточное и принадлежало к великосветскому обществу. И мать, и дочь—оба были по натуре своей существа добрые, любящие, довольно образованные. Марья Андреевна много читала, много знала. Маруся, по окончании гимназического курса, продолжала пополнять свои знания разнообразным чтением. В то же время и мать, и дочь были вечно привязаны друг к другу. Марья Андреевна жила исключительно для дочери. Маруся с детства со боготворила. Казалось бы, какая тень могла бы пройти между этими двумя существами, равно необходимыми друг для друга, дышавшими одно другим? И вдруг они заговорили на разных языках и перестали понимать одна другую. Случилось это вполне естественно и просто.

Марья Андреевна тонула в обществе со всеми развешиваниями и условиями великосветской жизни. Она любила выходы, приемы, кикиски, балы и пр. Маруся же, как натура более молодая и восприимчивая, отчасти под влиянием прочитанных книжек, отчасти под впечатлением различных толков о христианской морали и служении о разных молодых водовозах и водовозках, отправившихся в голодные деревни, вдруг почувствовала, с своей стороны, неудержимое стремление последовать примеру этих людей. Ей начали казаться в высшей степени пошлыми и даже преступными светские развлечения и удовольствия, рисовавшиеся на красной фонтане голода, словно в них какого то игра во время чумы.

И вот, когда мать требовала, чтобы дочь продолжала принимать участие в великосветской жизни, внушила ей, что все эти выходы и приемы делаются исключительно для нее, и что мать из последнего бьетса, путаясь в долгах, для того, чтобы, таким образом, составить счастье дочери, устроивши ей хорошую партию,—Маруся начала твердить, что так жить, как она живет, стыдно, начала уклоняться от вечеров и балов, за что, к великому огорчению матери, всё ее водили на ситце и обшивали „чудачкой“.

Началась упорная борьба матери с дочерью, составлявшая все содержание новостей и производившая на читателей мучительное впечатление. Борьба, к счастью, кончилась тем, что молодость, в лице Маруси, победила закорючатую старость. Случилось это благодаря, во-первых, тяжелой болезни Марьи Андреевны, потребовавшей деревенского воздуха для поправления, во-вторых, вследствие того, что Сноповым, при их средствах, тяжело стало тануться за людьми более их богатыми, и Марусе удалось таки увести мать в деревню. Но, увы, не всегда подобная борьба кончается так успешно. Очень часто люди, привыкшие говорить на разных языках, так и остаются несообщающимися друг друга, и лишь только и представляется один исход—или погубить одного другого, или разойтись навсегда с чувством вражды и горечи.

А. Савиловский.